

Глава III. 1 мая 1931 года

14 апреля и 1 мая — очень близкие между собой две символические даты; первая выделялась в силу её политического характера, а вторая принадлежала к истории борьбы рабочего класса. Другими словами, 1 мая 1931 года должно было быть для испанского пролетариата подобием 14 апреля, моментом для вдумчивого анализа. В сравнении обоих дат ставилась на кон судьба Второй Республики.

Мадрид стал центром событий 14 апреля, а Барселона — 1 мая. В Мадриде, ВСТ и соцпартия организовали рабочую демонстрацию. Её возглавили три министра — члены соцпартии. Таким образом, манифестация носила почти официальный характер. Небольшая группа коммунистов, действовавшая в Мадриде, преследуя пропагандистские цели, присоединилась к маршу. Заняв стратегические позиции, коммунисты развернули свои транспаранты, которые сфотографировал один из партийных агентов. Снимки тотчас же были переданы за границу и опубликованы в газете *La Correspondencia Comunista* как доказательство влияния компартии на испанский рабочий класс²⁹⁵. За исключением этого комичного происшествия, манифестация ничем не отличалась от дня народного гулянья.

В Барселоне события приняли другой оборот; каким-то образом они напомнили о трагическом дне 1886 года в США, так как рабочий класс, требовавший защиты своих жизненных прав, вновь подвергся нападениям.

Мы уже говорили, что НКТ была заинтересована в том, чтобы демонстрация 1 мая прошла как массовое волеизъявление рабочего класса. Были организованы митинги, но стены зданий не представляли из себя панорамного зрелища, как в других странах, где на огромных афишах народ призывали к участию в шествии или митинге.

Луи Лекуан, обеспокоенный, сетовал на слабую организацию НКТ, которая не уделила должного внимания тому, что он называл «рекламой». В самом деле, НКТ всегда располагала весьма скудными финансами, и, может быть, по этой причине её колоссальная сила заключалась именно в недостатке этих средств. Если бы организация имела средства, возможно, перед ней встала бы дилемма «совершенства и прекрасно организованного профсоюзного аппарата». Лекуан написал в этой связи:

«Когда провозгласили Республику, я посетил друзей в Барселоне: Дуррути, Аскасо и Ховера. Накануне 1 мая коммунисты объявили о проведении митинга, о котором ярко вещали огромные транспаранты на стенах домов. Что касается ФАИ и НКТ — ничего подобного. Может быть, эти организации не используют шанс выступлений на этом празднестве? Я был обеспокоен и сказал об этом Дуррути; но он мне доверительно ответил:

— Напротив, НКТ и ФАИ не намерены замалчивать предстоящий пролетарский праздник. Мы организовали на завтра огромную демонстрацию приблизительно для 100 тыс. человек.

— А как же пропаганда?

— Для этого вполне достаточно нескольких строк в *Solidaridad Obrera*.”

Несмотря на его уверенный тон, я предупредил их об опасности со стороны сталинистов. Но они рассмеялись в ответ, говоря, что эта опасность существует лишь у меня в голове.

На этот раз, — пишет в заключении Лекуан, — победила уверенность “трёх мушкетёров”, так как на самом деле на демонстрацию вышли более 100 тыс. человек»²⁹⁶.

Ввиду скорбного характера того праздничного дня *Tierra y Libertad* опубликовала на первой странице широкий материал на пяти колонках текста и с таким заголовком:

“ «ТРАГИЧНОЕ ПЕРВОЕ МАЯ». «ДЕМОНСТРАЦИЯ ФАИ И НКТ ПОДВЕРГЛАСЬ НАПАДЕНИЮ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ».

«Перед лицом фактов, произошедших утром в пятницу 1 мая, мы не можем не исполнить свой долг — полностью и правдиво информировать читателей, с тем чтобы ответственные за трусливое нападение на участников манифестации на площади Республики понесли наказание.

Мы позаботимся о том, чтобы ясно изложить наши впечатления и идеи, осветить всё чётко и беспристрастно. Мы не должны допустить, чтобы вслед за таким жестоким произволом, преследуя грубые политические цели, нам предъявили обвинения.

Митинг. Переполненный Дворец искусств, тысячи участников, желающие услышать ораторов, скопились на тротуарах. В связи с этим приняли решение установить дополнительную трибуну на грузовике в Зале Галан, для того чтобы товарищи после произнесения речей внутри здания смогли повторить их в указанном месте²⁹⁷.

Все обращения к народу были полны энтузиазма, колоссальной энергии и спокойствия духа. Слово взяли товарищи Кастильо, Бильбао, Мартинес, Кортés, Лекуан, Парера и один португалец-эмигрант — от имени его соратников в изгнании. Председательствовал товарищ Санмартин».

Ниже, согласно прессе тех дней, приведены тезисы выступлений:

«Необходимо осуществить экспроприацию предприятий, закрытых буржуазией. Рабочие смогут наладить производство».

«Нельзя забывать об интеллектуальном образовании молодёжи. Нужно запретить государственный контроль образования, потому что государство всегда занимается подготовкой солдат и рабов».

«Нынешний министр Альборнос, будучи в оппозиции, говорил, что Республика 1873 года потерпела поражение из-за недостатка дерзости и потому, что не казнила крупных

землевладельцев. На сегодняшний день мы вынуждены признать: сегодняшняя политика не соответствует этой концепции».

«Как только народ перестаёт действовать как настоящий революционер, чтобы принять участие в общественной деятельности путём всеобщих выборов, любое новое завоевание становится невозможным. Мы не можем ожидать, что Конституционные Кортесы разрешат социальные проблемы. “Представители народа” не обладают никакой созидательной властью; их роль всегда полна демагогии».

«Не существует иной революции, чем та, совершённая рабочим классом. А рабочий класс вместе с НКТ может и способен претворить в жизнь глубокую социальную революцию».

«Не только рабочий класс Испании нуждается в неотложной революции; она послужит примером рабочим всего мира, находящимся под игом капитализма, реакции и фашистских диктатур...»

«НКТ должна составить программу практических и конкретных действий».

«Мы переживаем моменты, когда не нужно читать исторические книги в свободное время, напротив — необходимо созидать иную историю».

«Рабочие и крестьяне! Наш долг ещё и ещё раз — выступить с энергичными протестами, независимо от парламента; вперёд — к достижению наших целей»²⁹⁸.

На огромной людской ассамблее единогласно проголосовали за следующие директивы и одновременно поручили комиссии, возглавляющей демонстрацию, вручить принятые директивы правительству Каталонии:

“ «Роспуск полиции и Гражданской гвардии. Защита народа должна быть доверена самому народу.

Экспроприация крупных латифундий и собственности без возмещения убытков, их немедленная передача в руки крестьян для коллективного пользования.

Немедленная экспроприация фабрик и предприятий, закрытых капиталистами, как мера бойкота против Республики.

Экспроприация без каких-либо компенсаций иностранных предприятий, эксплуатирующих нашу страну: они занимаются добычей полезных ископаемых; контролируют телефонную связь, железные дороги и т.д.; и их немедленная передача в руки рабочих для коллективного использования.

Роспуск армии и немедленный выход из Марокко»²⁹⁹.

Когда Комиссия, председатель манифестации, покинула Дворец искусств, было невозможно пройти по некоторым улицам. Рабочие — женщины и мужчины — заперли Пасео дель Триунфо и прилегающие улицы. В толпе выделялись красно-чёрные, красные, республиканские и чёрные знамёна. На огромных белых транспарантах можно было прочесть: «Требуем роспуска Гражданской гвардии»; «Долой эксплуатацию человека человеком»; «Фабрики — рабочим, земля — крестьянам»³⁰⁰.

Tierra y Libertad продолжает:

«Манифестация. Сразу же в зале Галан организовали манифестацию, во главе которой — три грузовика, на них — молодёжь с красночёрными и чёрными флагами.

Вдруг демонстрация выросла в огромную, подавляющую всё толпу, на глаз в ней можно было определить 150 тыс. участников (Барселона насчитывала в то время 1 млн жителей). Шествие в направлении к Триумфальной арке прошло в строгом порядке: через Ронда Сан Педро, Площадь Каталонии, Рамблас и улицу Фернандо.

Через некоторое время после половины первого голова шествия подошла к площади Республики. На неё въехали три грузовика и остановились на расстоянии десяти метров от ворот Женералитат; Комиссия вышла, чтобы вручить властям официальные резолюции митинга. Ворота здания были закрыты; их открыли, чтобы впустить товарищей из комиссии. В те моменты у ворот стояла группа “Мосос де Эскуадра”³⁰¹, но мы не увидели ни одного агента-provokatora, несмотря на намеренные заявления властей и буржуазной прессы всей оттенков.

Когда комиссия зашла в здание, за ней последовал товарищ Луи Лекуан несущий красно-чёрное знамя Женералитат. Согласно традиции, все комиссии идут в сопровождении своих флагов, чтобы таким образом дать знать о своей миссии.

Первый удар нанесли грубые “мосос де эскуадра” — злосчастная Гражданская гвардия Каталонии. В тот момент, когда несший знамя, следуя за остальными делегатами, намеревался войти в Женералитат, несколько приспешников в коротких куртках и альпаргатах³⁰² набросились на знамя и попытались отнять его у Лекуана. Это им не удалось, так как наш товарищ смог достойно защитить свою ношу. В стычке полицейские сломали шест флага, но он всё же остался в руках у Лекуана. Факт, рассказанный нами, никто не сможет опровергнуть, так как сотни манифестантов, несмотря на утверждения авторов недостойного нападения и все официальные сообщения, могут это подтвердить. То, что видели мы, не видели ни Масиá, ни губернатор Компанис, потому что там их не было, а мы, напротив, находились на месте событий и вынесли оскорбления от “мосос де эскуадра”, а затем и вооружённую агрессию».

«Выстрелы. Прежде чем продолжить рассказ о событиях, мы должны внести уточнения в слова товарищей делегатов. Во время инцидента с флагом они уже зашли в здание Женералитат и поэтому не смогли увидеть то, что происходило вне его. Перед этим делегаты удостоверились, что у входа не было provokatorов; а только лишь “мосос де эскуадра”.

Но вернёмся к происшествию. Почти одновременно с нападением “мосос де эскуадра” на наше знамя из двери Женералитат послышался выстрел. Мы не можем утверждать, кто был его автором: полицейские или кто-либо прятавшийся за их спинами. Но в чём мы уверены — так это в том, что выстрел был произведён из здания Женералитат.

Наше оцепенение было бóльшим, чем страх тяжёлых последствий. “Мосос де эскуадра”, нападавшие в тот момент на Лекуана, услышав выстрел, поспешили укрыться в Женералитат, двери за ними закрылись, в то время как знамя победоносно развевалось на ветру. Подводя итоги: если первый выстрел не исходил от каталонской полиции, то та наверняка могла знать, кто его сделал, так как выстрел был произведён из оружия, принадлежащего группе, стоявшей у входа в здание и далее, — вплоть до самой его глубины.

Выстрел из Женералитат, казалось, послужил своего рода сигналом; Выстрел из Женералитат, казалось, послужил своего рода сигналом;

Замешательство в тот момент было полнейшим. Люди в панике начали разбегаться во всех направлениях, в то время как горстка смельчаков готовилась к отражению агрессии.

Дуррути, стоявший на грузовике, своей реакцией помог избежать катастрофы. Громким, громовым голосом он призвал бежавших в панике остановиться и успокоиться, чтобы избежать последствий толкотни, которая могла бы причинить больше вреда, чем пули. Он также остановил инстинктивные действия товарищей, имевших при себе оружие, требуя сохранять спокойствие. Как бы то ни было, паника оказалась под контролем, и удалось избежать распространения волнения на полицейских; таким образом, порядок был восстановлен»³⁰³.

Мы продолжаем цитировать тексты Tierra y Libertad:

«После возврата к нормальной обстановке площадь вновь наполнилась народом. Но не прошло и пяти минут, как опять послышались выстрелы из соседних переулков, рядом со зданием Женералитат. Прежде, чем люди смогли покинуть площадь, чтобы укрыться в безопасном месте, послышался грохот карабинов.

Одетые в шлемы стреляют. Это были злосчастные гвардейцы из полицейского участка Регомир. Расположившись на углах здания Муниципалитета, они готовились к расстрелу толпы, но решительность и храбрость наших товарищей предотвратили трагедию: они бросились к переулку, откуда гвардейцы расстреливали безоружных манифестантов, и заставили их отступить; занимая угловые позиции, они сдержали напор нападавших, воспрепятствовав занятию площади.

Из других переулков также слышались выстрелы. Кто-то на площади, забравшись на верхний этаж дома, стрелял из длинноствольного оружия в манифестантов. На улице Сан-Северо видели молодых, элегантно одетых парней с пистолетами, которые скрылись затем в переулках, примыкающих к зданию Женералитат. На улице Обиспо также произошли похожие столкновения.

Если агенты-provokatory принадлежали к бывшим «либреньос»304, то, без сомнения, участвовали члены других организаций. Власти обязаны уточнить это и наказать виновных.

Стрельба продолжается. Выстрелов становилось всё больше, товарищи заняли позиции на углах площади, и уже несколько было ранено. Паника во всём квартале была огромной. Двери домов закрылись, и грохот выстрелов сопровождался тревожными криками.

Столкновение продлилось около 45 минут. Когда оно стало более походить на настоящее сражение, группа товарищей, укывшихся на улицах, выходящих на площадь Республики, направилась к артиллерийской казарме на улице Комерсио, чтобы позвать солдат на помощь и избежать гибели людей, остававшихся на площади, после того как у них закончатся патроны.

Здесь мы опять сделаем отступление. Provokatsiya, несмотря на все официальные и официозные сообщения, не исходила из рядов коммунистов. Быть может, в ней были замешаны бывшие «либреньос», но не оставляет сомнений, что если один из них и явился инициатором происшествий, то наверняка он действовал под защитой Женералитета. Кроме того, вмешательство злополучных стрелков в шлемах не было случайностью. В первую очередь provokatory не скрывались в стенах Муниципалитета, поскольку, если бы это было так, они спокойно расстреляли бы людей из окон, выходящих на площадь Республики. Это была затея полицейского участка Регомир. И на то имелись конкретные инструкции. Получили ли они приказы от губернатора Компаниса или лейтенанта Кабесаса, который утверждает, что обратился в участок за помощью, — нас это не интересует. Факт в том, что обратились к Гвардии безопасности с целью трусливо атаковать и убивать народ. Что та и сделала, выполняя полученные распоряжения — атаковать беззащитных.

Братья-солдаты. Мы не знаем точно, отдал ли генерал-капитан приказ войскам выйти на площадь Республики, чтобы покончить со столкновением. Мы в этом не сомневаемся. И ещё меньше мы сомневаемся в том, что солдатики, наши братья-солдаты, во главе с их офицерами, не раздумывая ни минуты, бросились искать свои ружья, чтобы встать на защиту терпящих агрессию демонстрантов, когда наши товарищи позвали их на помощь.

Братья-солдаты, дети народа, как и мы, великодушные и храбрые, как неизвестные герои, пришли на помощь, сопровождаемые оглушительными аплодисментами и восклицаниями в знак благодарности. Они радостно улыбались, сознавая, что принесли пользу своим братьям и помогли им сохранить жизнь.

Один пехотный отряд под командованием офицера (капитана Миранды) спешно прибыл, чтобы противостоять гвардейцам, атаковавшим народ. За ним на площадь прибыли другие отряды, оцепили её — и воцарилось спокойствие. За сумятицей выстрелов последовал шум аплодисментов и благодарных возгласов.

Наши братья-солдаты заслуживают нашей самой искренней благодарности и самых тёплых объятий. Они — вооружённый народ, готовый прийти на помощь, чтобы избежать преступлений, а не совершать их. Они, наши братья-солдаты, не стали профессиональными военными. Их оружие не будет направлено на отца и братьев, на народ... Да здравствуют

наши братья-солдаты!

Казачи в треуголках. Когда спасительная пехота заняла позиции на площади Революции, на неё галопом ворвался конный отряд Гражданской гвардии. Без сомнения, они прибыли, исполняя чей-то приказ. И мы все знаем, что Гражданская гвардия заряжает ружья и стреляет, но не защищает граждан от агрессоров. Мы желаем знать, кто послал её. Тот факт, что ей отдали приказ явиться на площадь, имеет огромное значение. Они намеревались взять на бордаж тех, кто защищал свою жизнь и честь.

Гражданскую гвардию встретили таким оглушающим свистом, какого мы не слышали никогда. По прибытии на место гвардейцы в присущей им манере обнажили свои сабли, готовясь атаковать народ, выражающий недовольство их присутствием.

Но командир пехоты, начальник наших братьев-солдат, сам солдат и тоже наш брат, отдал какой-то приказ командиру “треуголок”. Приказ не был выполнен, потому что мы тотчас же увидели, что солдаты зарядили ружья. Это убедило гвардейцев, что лучше всего будет отступить (...).

Без страха перед выстрелами народ снова заполнил площадь. Вновь показались развевающиеся знамёна и слышались радостные возгласы.

Трагедия закончилась. Итог был печальным: многие товарищи ранены, один гвардеец убит и ещё два ранены (...) Тело погибшего гвардейца было прошито многочисленными пулями. Согласно официальным сообщениям, которые мы категорично опровергаем, “его добились мятежники”. Ложь! Низкая и подлая ложь! Ложь мошенников! Гвардеец пал жертвой перестрелки, и его тело не было подобрано его товарищами. Таким образом, отскакивающие и шальные пули попадали в него. Невозможно было пройти по улице под градом пуль, чтобы добить гвардейца. Официальные сообщения лгут самым трусливым и недостойным образом! На площади Республики собрались не убийцы! Настоящие убийцы прятались за углами; это они совершили нападение, и среди нас было бы намного больше жертв, если бы за нас не вступились братья-солдаты.

Мы покинули площадь Республики. Позже прибыл Масиá и с балкона Женералитат заявил, что сожалеет о столкновении. Наше сожаление о событиях намного глубже, потому что именно мы оказались в ряду жертв. Эмоциональные слова соболезнования не могут возместить потери — для этого нужны строгие факты. Мы просим о справедливости. Мы требуем её. И в первую очередь — остановить подлые обвинения, после того как было совершено нападение.

На что способен фанатизм. Для оправдания недостойного поведения каталонской полиции и “пистолерос” с короткоствольным и длинноствольным оружием прибегли к версии о попытке атаки на Дворец Женералитат. Только безумие фанатиков может вообразить такой неслыханный вздор.

И для внесения большей ясности нужно сказать, что эта тупая басня была придумана молодыми масианистами³⁰⁵; они решили, что если изложенные факты имели место на площади перед Женералитетом, то они могут нанести вред каталонским стремлениям к

независимости. Таким образом, они хотели перестраховаться, выдумывая объяснение задолго до предъявления самого обвинения. Мы не обвиняем коллег Масиá в агрессии, его самого мы также пока не объявляем прямым или косвенным ответственным. Мы всего лишь ограничиваемся утверждением, что первый выстрел был сделан из здания Женералитат. Уточните, кто был заинтересован в таких действиях, и не сочиняйте смешных басен.

Образец. События этой пятницы немедленно разожгли все фанатические яростные нападки на нас, анархистов и синдикалистов, и, как и следовало ожидать, против всех сторонников экстремальной социальной линии. Так, во время прохождения малочисленной манифестации коммунистов по площади Каталонии Гражданская гвардия открыла огонь с целью разогнать участников. Прохожие — средний класс Каталонии, — думая, что речь идёт о демонстрантах с площади Республики, аплодисментами приветствовали действия гвардейцев, стреляющих в народ; коммунисты, хотя мы и не придерживаемся их взглядов — это тоже народ, — и кроме того, эти же прохожие имели намерения совершить самосуд над двумя задержанными.

Позорный поступок — награждать аплодисментами нападающих на народ. Этот поступок уже сам по себе отвратителен; попытка линчевать беззащитных людей — это трусость, удел негодяев, бесполох или кастратов.

Такое поведение политических элементов, провозглашающих свою заботу о народе, который трудится и страдает, не найдёт отклик в наших сердцах. Напротив, такая позиция приведёт к радикальному отдалению, последствия которого, хотя и нежелательные, не входили в наши планы»³⁰⁶.

Версия #4

Зверобой создал 13 июля 2025 22:53:22

Зверобой обновил 17 августа 2025 19:42:27